

English version: [Balashova E.Yu. The problem of time in Russian and French culture of the first half of the twentieth century: philosophy, psychology, poetry](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

В первой половине двадцатого века, вместившей в себя революции, войны, диктатуры, для многих деятелей культуры стало особенно актуальным осмысление сути, содержания, принципов организации и функционирования времени. В статье проводится анализ разработки и переживания проблемы времени философами, психологами, поэтами Франции и России, научное и художественное творчество которых разворачивалось в конце 19-го и в первой половине 20-го столетий.

Ключевые слова: время, пространство, культура, философия, психология, поэзия

Проблема времени, актуальная по разным причинам для многих наук и эпох, оставила свой след в работах французских и русских философов первой половины 20-го века. Вспомним, что она являлась одной из центральных для философии А.Бергсона. Его идеи о существовании времени научного, измеряемого часами и другими средствами, и времени реального (длительности) как потока изменяющегося опыта, о взаимодействии восприятия и памяти, об уровнях сознания («Очерк о непосредственных данных сознания» (1899), «Творческая эволюция» (1907), «Длительность и одновременность» (1922)) оказали большое влияние на развитие философии и психологии.

А.Бергсон рассматривает чистое время как динамичный и активный поток событий – поток самой жизни. Это время субъект переживает непосредственно; внутри него иногда возможно действовать свободно. Интеллект организует, систематизирует и обобщает все отдельные сущности, последовательности, состояния. Он придает реальности ясность, которой она фактически не обладает. Интеллект имеет практическую направленность, позволяет нам выжить, но в то же время, полагает А.Бергсон, приводит к философским ошибкам, дает неверную картину мира. В реальности нет ни одной «идентичной ситуации», в которую мы верим на основе слов и интеллектуальных определений. На самом деле существует поток изменяющегося опыта, который всегда различен. Это и есть реальное время («длительность»). Оно не простирается через пространство и не может быть измерено каким-либо хронометром. Оно существует как длительность только потому, что мы сами наблюдаем его. А.Бергсон писал о том, что интервал длительности существует только для нас и вследствие взаимного проникновения наших состояний сознания; вне нас нельзя найти ничего, кроме пространства, состоящего из одновременностей, о порядке следования которых друг за другом сказать ничего нельзя. Он различал время физики, которое имеет пространственное выражение, и время сознания, состоящее из непрерывной смены направленных в будущее событий [Бергсон, 1999, 2006; Блауберг, 2003].

В русской философии наиболее интересные исследования проблемы времени были выполнены в ином контексте – культурологическом. Примером может служить написанная в 1925 году книга П.А.Флоренского «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях». Ее центральная тема – пространство и время как символические формы мысли, художественного творчества, культуры [Флоренский, 1993]. Другой показательный пример – цикл работ М.М.Бахтина. В них рассматривается разработка проблемы времени в различных литературных произведениях, анализируется умение видеть время, выражать художественными средствами полноту и неполноту времени [Бахтин, 1986, 1997]. Особое внимание уделяет М.М.Бахтин исследованию особой гносеологической категории – хронотопа. Он понимает хронотоп как единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного культурного или художественного смысла, как неразрывность слияния и максимальную насыщенность пространства временем. Именно в этом синтетическом понятии расплывчатые категории пространства и времени приобретают яркость и конкретность [Бахтин, 1986, 1997].

В психологической разработке проблемы времени французскими и русскими учеными есть и общие черты, и существенные различия. Сближает их, на мой взгляд, то, что многих из них крайне интересовали разные аспекты временной детерминации развития и распада как отдельных психических процессов, так и психики в целом.

Так, в работах Т.Рибо рассматривается эволюция понятий о числе, пространстве, времени, анализируется временная последовательность разрушения памяти при психических заболеваниях старости [Рибо, 1894, 2007]. Л.Леви-Брюль, изучая особенности мышления людей, живущих в условиях первобытного общества, пришел к выводу о том, что разным типам общества, разным историческим эпохам присущи разные типы мышления. Этот французский философ и антрополог создал оригинальную теорию первобытного (дологического) мышления, которое отличается от современного (логического). Первобытное мышление, по мнению Л.Леви-Брюля, нечувствительно к опытному знанию, мистично; в любом явлении первобытный человек видит действие сверхъестественных сил – болезнь, плохая погода, неудача на охоте, неурожай расцениваются им как следствие колдовства. Интересно, что в работах Л.Л.Леви-Брюля содержится и идея о том, что восприятие, осмысление времени и пространства первобытным человеком радикально отличаются от ныне существующих. Вспомним описанные им характерные для первобытного мышления явления партиципации (для первобытного человека предмет может быть самим собой и одновременно чем-то иным) и билोकации (человек или предмет могут одновременно находиться в двух разных местах) [Леви-Брюль, 1999, 2002].

В России в 20-е гг. известный физиолог и психолог А.А.Ухтомский высказывает интересные идеи о духовном возрасте и развитии, о различиях между физическим временем и временем живого организма. Он считал, что между физическим временем и временем организма существует противоречие: если первое характеризуется равномерным течением и необратимостью, то второе, напротив, течет неравномерно и является относительно обратимым благодаря наличию у

человека памяти. В биологическом времени, таким образом, существуют прошлое, настоящее и будущее. В 1924 г. А.А.Ухтомский сформулировал понятие о хронотопе как комплексе пространственно-временных отношений предметов и явлений в физической среде, окружающей человека. В этой концепции было не только постулировано существование биологического времени, но и подчеркнуты единство и универсальность времени и пространства в мире и его объектах. А.А.Ухтомский предполагал, что у человека для восприятия хронотопа среды должны существовать особые физиологические системы, работа которых характеризуется индивидуальными различиями [Ухтомский, 1978, 2008]. К сожалению, в последующие годы идеи А.А.Ухтомского о временной перспективе, о пространственно-временной организации биологических систем, о возможных способах восприятия человеком пространства и времени окружающей среды не получили дальнейшего развития; только в последней четверти 20-го столетия ученые вновь обратились к разработке хронобиологической теории [Зинченко, 2000].

Среди психологических исследований 20–30-х гг. несомненный приоритет в теоретическом и прикладном изучении временной (в том числе культурно-исторической) детерминации психики, безусловно, принадлежит школе Л.С.Выготского. Ее работы наглядно продемонстрировали, как с течением времени происходит смена этапов развития, какие навыки и способности складываются в разные хронологические периоды жизни ребенка, в чем заключается гетерохронность и гетеродинамичность эволюции психических функций, каковы закономерности формирования знаково-символического опосредствования психики и поведения [Выготский, 1960, 2006, 2008].

Теперь о различиях. В первой половине 20-го века во французской психологии, наряду с уже обозначенными нами проблемами, ведутся достаточно активные теоретические и экспериментальные исследования темпоральных феноменов психики. Центральной фигурой здесь является П.Фресс, доказавший связь восприятия времени с процессами адаптации к изменениям среды, с анализом ритмических структур, с работой памяти [Fraisse, 1956, 1957]. В фундаментальном многотомном руководстве «Экспериментальная психология», изданном в 1963–1966 гг. в Париже под совместной редакцией П.Фресса и Ж.Пиаже (и переведенном впоследствии на русский язык), опубликован детальный обзор работ европейских и американских ученых, посвященных проблеме восприятия времени. В нем рассматриваются результаты исследований возрастных и гендерных особенностей восприятия времени, представлений о времени, влияния эмоциональных состояний, установок и других факторов на точность оценивания временных интервалов [Экспериментальная психология, 1966–1978]. Кстати, и в работах Ж.Пиаже, работавшего в Швейцарии и писавшего на французском языке, многократно издававшего свои статьи во французских журналах, изучению времени уделялось огромное внимание. Здесь можно упомянуть и исследования становления представлений о пространстве и времени у ребенка, и изучение распада понятий о времени при деменциях позднего возраста [Piaget, 1946; Desintegration des notions ... , 1967].

В России в этот период, к сожалению, почти не встречаются подобные работы. Можно

даже сказать, что время как психическая реальность было «съедено» пространством. В работах психологов, изучавших детский возраст, а потом нейропсихологов все внимание уделяется пространственным представлениям, их нарушениям при локальных поражениях мозга. Приведем показательный пример. В фундаментальной монографии А.Р.Лурии «Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга», увидевшей свет в 1962 г. и обобщившей материалы его исследований нескольких предшествующих десятилетий, нарушениям восприятия времени посвящено меньше страницы, а нарушениям пространственного восприятия – более 50 страниц [Лурия, 1962]. Время как самостоятельный объект психологических исследований фактически не существует, растворяясь в других психических процессах – речи, памяти, движениях, произвольной регуляции. В работах А.Р.Лурии и его коллег даже речевые обороты, выражающие временные отношения, назывались «квазипространственными»! Такое игнорирование времени российскими нейропсихологами, о причинах которого можно только догадываться, кажется странным, потому что при локальных поражениях мозга очень часто встречаются разнообразные нарушения ориентировки во времени, его восприятия и переживания.

Однако проблема времени была значима и для тех, кто не был напрямую причастен к сфере научного мышления; видел, переживал и описывал действительность иначе, чем философы и психологи, – для писателей и поэтов. Гении и французской, и русской литературы использовали это понятие в названиях своих произведений. Вспомним многотомный цикл М.Пруста «В поисках утраченного времени», который завершается романом «Обретенное время» (1913–1927), автобиографическую прозу О.Э.Мандельштама «Шум времени» (1925), роман В.Катаева «Время, вперед!» (1932), последний прижизненный сборник А.А.Ахматовой «Бег времени», в котором собраны стихотворения 1909–1964 гг.

Для писателей и России, и Франции (и интересующий нас период не был исключением) обращение к историческому времени, к коллизиям темпорального развития семьи, личности всегда представляло живой интерес. Что касается поэзии, то здесь тенденции развития двух культур оказываются не столь близкими. В произведениях французских поэтов-символистов 19-го века еще можно иногда встретить обращение к теме времени. Она звучит, например, в стихотворении Ж.Лафорга «Жалоба времени и его подруги – пространства» (перевод П.Антокольского) [Поэзия французского символизма, 1993, с. 173–174]:

Мои руки протянуты вдаль. Столько рук, –
Но ни правой, ни левой. Пространство вокруг
В беспредельном пути наткало паутины
Для себя, для беременной звездами сини.
Так друг друга собою наполнили мы, –
Два поющих органа, две сомкнутых тьмы,
И поем каждой клеткой, молекулой каждой:
– Это я! Это я! Но смешна наша жажда.

Бесконечность не знает конца и течет

Невозбранно. Но где же размер и расчет?
Где мы? Кто мы? Зачем нас придумал Всевышний?
Что нам вечность, когда она кажется лишней?
Разрывается сердце, о грудь колотя.
Извлеки нас из нашего небытия,
Преврати нас в рыдание пляшущих молний,
Малой долей души нашу емкость наполни!

Но мы длимся, насыщены в точке любой
Только сами собой, только сами собой.
О, как «я» неделимо! О, как ты, пространство,
В белых пятнах пустынь остаешься бесстрастно!

<...> О Лазурь! Продолжайся же – вся в размноженье,
Вся в струенье возможностей, вся в золотом
Опылении солнца и в пыли гекатомб,
Механизм шестерен, вихревая погоня,
Беспорядок бессмыслицы и беззаконья!
Только редкие молнии по временам
Озаряют избранников. Значит, и нам
Остается цвести, ускользя по кругу,
И любить, и служить зеркалами друг другу...

(1885)

Однако в текстах французских поэтов первой половины 20-го века образы, метафоры времени встречаются все реже. В чудесных лирических и гражданских стихах П.Элюара, Л.Арагона, Ж.Превьера их немного [Французская поэзия ... , 1982]. Трудно сказать, в чем причины этого явления. Выскажу только одно предположение. Истинная поэзия, выражающая ход и приметы внутренних и внешних событий, прежде всего, на языке чувств, в силу этого очень восприимчива к эмоциональному «настрою» окружающего мира. Этот настрой во Франции первой половины 20-го столетия, несмотря на участие в двух мировых войнах и экономические трудности 20–30-х гг., все-таки оставался достаточно стабильным. Происходил естественный пересмотр некоторых культурных и интеллектуальных ценностей, но правовые, этические, религиозные установления в основном сохранялись, не прерывалась историческая связь времен (та самая «дней связующая нить», о которой говорит шекспировский Гамлет). Поэтому проблема осознания, переживания, образного выражения времени в языке французской поэзии отчасти уступила место другим темам, другим метафорам.

В России ситуация, как все мы знаем, была совершенно иной. Смута, революции, гражданская война, разрушение временной перспективы общественного развития (забвение и осуждение прошлого, трагическая и нелепая иллюзия точного знания о будущем), полный пересмотр религиозных и правовых норм, драма изгнаний, предательства, репрессий, – все это привело к тому, что для некоторых русских поэтов

тема времени стала одной из принципиальных. В качестве примера можно привести А.А.Ахматову. В ее поэзии с начала 20-х гг. мы можем увидеть и предельно драматическое совмещение несовместимых реально пластов времени, и стремительное путешествие в пространства прошлого; услышать погребальный гимн умирающей эпохе [Ахматова, 1974]:

<...> Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречаем новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет?

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!» (...)

Новогодняя баллада (1923)

Прямо под ноги пулям,
Расталкивая года,
По январям и июлям
Я проберусь туда <...>

Путем всея земли (1940)

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украстить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,—
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.
Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

В сороковом году (1940)

До последних лет жизни в стихах Ахматовой (параллельно с постоянным обращением к осознанному и неосознанному воспоминаниям, с необычайно яркими переживаниями событий и чувств прошлого, становящегося настоящим) то и дело звучит тема фатальности и необратимости хода времени, угасания и отчуждения прошлого, памяти и забвения («Три осени» (1943), цикл элегий «Шиповник цветет» (1943–1961), «Поэма без героя» (1940–1960), «Четверостишия» (1920–1964)) [Ахматова, 1974]:

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

Наяву (1946)

Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

Четверостишия (1964)

При обращении к творчеству другого гениального русского поэта – Н.С.Гумилева – мы понимаем, что в душе он прежде всего странник, которому привычны и любимы реальные и вымышленные путешествия не только в пространстве, но и во времени (сборники «Путь конкистадоров» (1905), «Романтические цветы» (1908), «Жемчуга» (1910), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Шатер» (1921)). Однако в некоторых стихотворениях «Огненного столпа», увидевшего свет почти одновременно с расстрелом поэта (август 1921-го), тема времени начинает звучать по-новому. Это уже не просто увлекательное путешествие по прошлым эпохам, а предельно драматичное и стремительное – даже не совмещение – столкновение разных временных и пространственных пластов, хаос временных ассоциаций, глубокая печаль, предчувствие готовой вот-вот разразиться катастрофы [Гумилев, 1988]:

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний гай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкой для меня,

В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, – конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
«Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?»

Заблудившийся трамвай (1919)

Наконец, размышляя над интересующей нас темой, нельзя не вспомнить О.Э.Мандельштама. Если у его блистательных современников (М.И.Цветаевой, Б.Л.Пастернака) мы находим лишь отдельные чудесные метафоры времени (вспомним «плащ цвета времени и снов» в цикле «Плащ» (1918) [Цветаева, 1965, с. 125]), то язык поэзии Мандельштама словно соткан из таких метафор, причем каждая отличается удивительной смысловой и эмоциональной глубиной. У Мандельштама время может стать измученным человеком, исполином, псом-волкодавом, пищей для маленьких мохнатых пчел (сборники «Камень» (1915), «Tristia» (1920), стихи 1921–1925 и 1930–1937 гг.) [Мандельштам, 1989]:

<...> На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть, –
Узора милого не зачеркнуть.

(1909)

<...> Так проклят будь готический приют,
Где потолком входящий обморочен
И в очаге веселых дров не жгут.

Немногие для вечности живут,
Но если ты мгновенным озабочен –
Твой жребий страшен и твой дом непрочен!

(1912)

И, птица смерти и рыдания,
Влачится траурной каймой
Огромный флаг воспоминанья
За кипарисною кормой.

И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет, –
Туда, где с темным содроганьем
В песок зарылся амулет.

Меганом (1917)

<...> Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны.
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

(1917)

<...> Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серую ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится.

(1920)

<...> Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина – дремучий лес Тайгета,

Их пища – время, медуница, мята.

(1920)

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней <...>

(1922)

Нет, никогда ничей я не был современник,
Мне не с руки почет такой.
О, как противен мне какой-то соименник,
То был не я, то был другой.
Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына
Он, умирая, припадет <...>

(1924)

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей <...>

(1931–1935)

Представленные в данной статье размышления демонстрируют нам, сколь сложными для понимания являются категория времени и разнообразные темпоральные феномены, как неоднозначно интерпретируются они средствами философии, психологии, поэзии. Наш разговор о них еще очень далек от завершения. Одно не вызывает сомнения – их по-настоящему глубокое рассмотрение невозможно сегодня без обращения к диалогу культур.

Литература

Ахматова А.А. Избранное. М.: Художественная литература, 1974.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

Бахтин М.М. К вопросам теории романа. К вопросам теории смеха. О Маяковском // Собр. соч.: в 5 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 53–56.

Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. М.: Харвест, 1999.

Бергсон А. Длительность и одновременность. М.: КДУ: Добросвет, 2006.

Блауберг И.И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Выготский Л.С. Лекции по психологии. М.: Союз, 2006.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2008.

Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. М.: АПН, 1960.

Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988.

Зинченко В.П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология (к 125-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 2000. N 4. С. 79–97.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1999.

Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. М.: Европейский дом, 2002.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962.

Мандельштам О.Э. Стихотворения. Томское книжное издательство, 1989.

Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / под ред. Г.К.Косикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.

Рибо Т. Память в ее нормальном и болезненном состояниях. СПб.: Изд-во книгопродавца В.И.Губинского, 1894.

Рибо Т. Эволюция общих идей. М.: ЛКИ, 2007.

Ухтомский А.А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978.

Ухтомский А.А. Лицо другого человека: из дневников и переписки. М.: Ивана Лимбах, 2008.

Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.

Французская поэзия XIX–XX веков: сборник / сост. С.И.Великовский. М.: Прогресс, 1982. На фр. яз.

Фресс П. Восприятие и оценка времени // Экспериментальная психология: в 6 т. / под ред. П.Фресса и Ж.Пиаже. М.: Прогресс, 1978. Т. 6. С. 88–135.

Цветаева М.И. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1965.

Desintegration des notions de temps dans les demences degeneratives du grand age / Ajuriaguerra J., de, et al. // L'Encephale. 1967. N 5. P. 385–438.

Fraisse P. Les structures rythmiques. Paris: PUF, 1956.

Fraisse P. Psychologie du temps. Paris: PUF, 1957.

Piaget J. Le developpement de la notion de temps chez l' enfant. Paris: PUF, 1946.

Поступила в редакцию 20 июля 2009 г. Дата публикации: 27 декабря 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Балашова Елена Юрьевна. Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 5, 125009 Москва, Россия.

E-mail: elbalashova@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Балашова Е.Ю. Проблема времени в русской и французской культуре первой половины двадцатого столетия: философия, психология, поэзия [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 6(8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)